

ПЕРЕКРЕСТКИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

А. С. УСАЧЕВ

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПИСЦОВ XVI ВЕКА

В работе рассматриваются особенности исторического сознания русских писцов XVI в., проживавших в различных регионах страны. Как правило, речь шла о сравнительно низких по статусу светских и духовных лицах. Анализируются введенные в научный оборот автором статьи записи исторического содержания, которые выполняли переписчики книг, завершая над ними работу. Установлено, что чаще всего фиксировались события недавнего прошлого, влиявшие на жизнь локального сообщества, к которому принадлежали писцы: природные катаклизмы, пожары, голод, боевые действия в непосредственной близости от мест работы переписчиков и т.д.

Ключевые слова: историческое сознание, историография, книжная культура, летописание, записи на книгах, локальная история, XVI век.

Смещение внимания исследователей с макроисторических явлений к микроистории относится к числу наиболее заметных тенденций последних десятилетий. Этот историографический поворот связан с работами представителей британской и итальянской школ «новой локальной истории»¹. Следуя в русле намеченных ими подходов, мы рассмотрим некоторые особенности исторического сознания жителей ряда регионов России эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Обращаясь к изучению историописания в России этой поры, исследователи традиционно обращают свой взор на крупные литературные памятники – Русский Хронограф редакции 1512 г., Никоновскую и Воскресенскую летописи, Летописец начала царства, Степенную книгу, Лицевой летописный свод, сочинения Филофея, Ивана IV и др. Итоги изучения подобных произведений, повествующих о прошлом, позволяют составить представление о том, как те или иные реалии воспринимали сравнительно немногочисленные представители интеллектуальной элиты. Очевидно, что эти сочинения не дадут возможности взглянуть за пределы узкого круга книжных центров, как правило, расположенных либо в крупных городах, либо неподалеку от них. В связи с этим встает вопрос: как происходила фиксация рассказов о событиях прошлого вдали от этих центров и от вершины социальной иерархии?

В поисках ответа наши предшественники обращались к памятникам местного летописания. Оно велось в Новгороде, Пскове и некоторых крупных городах. Отдельные краткие летописцы составлялись в монастырях, как правило, крупных – Кирилло-Белозерском, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском, Соловецком и др. К числу таких памятников можно отнести повести и сказания об основании ряда обителей

---

¹ Подробнее об эвристическом потенциале, основных направлениях и перспективах в изучении локальной истории см.: Репина 2011: 163–196.

(Валаамского, Спасо-Каменного, Псково-Печерского и прочих монастырей) и местночтимых святынях. Известны подборки летописных извещий, составляемые по инициативе отдельных лиц или представителей некоторых боярских родов (Мстиславских, Шуйских и др.). Хотя памятники местного летописания (за исключением, возможно, новгородского) изучены хуже общерусских летописей, соответствующие произведения в целом известны. Мы обратимся к записям исторического содержания, представленным в текстах датированных выходных записей (послесловий, колофонов) к русским манускриптам XVI в.

Наряду с информацией о писцах, заказчиках и обстоятельствах создания кодекса колофоны повествуют и о событиях прошлого, как правило, недавнего. Сразу оговорим, что к известиям исторического характера мы относим представленные в выходной записи сведения, которые непосредственного отношения к созданию рукописей, биографиям писцов и заказчиков не имеют. «Литературную» часть записи (как правило, речь идет о традиционных для памятников древнерусской литературы самоуничижительных характеристиках писцов), и сведения о вкладе книг мы здесь рассматривать не будем. Хотя записей исторического содержания немного, они представляют немалый интерес. В отличие от записей более раннего времени колофоны XVI в., за редким исключением, специально еще не изучались². Это было связано с тем, что публикация текстов датированных выходных записей на книгах 1500–1600 гг., рассыпанных по 44 архивам, библиотекам и музеям, расположенным в более чем 20 городах, была предпринята лишь в 2018 г.³

Значение записей на книгах для изучения исторического сознания в России раннего Нового времени определяется рядом их особенностей. Во-первых, в большинстве случаев информация в них уникальна. Во-вторых, происхождение рассматриваемых книг и, соответственно, записей, как правило, не связано с представителями церковно-политической элиты. В-третьих, речь идет о разных регионах страны, подчас весьма удаленных от столицы, от многих из которых не сохранилось местных летописей. В-четвертых, в отличие от большинства памятников летописания (как общерусского, так и местного) имена и социальный статус авторов записей, как правило, известны. В-пятых, в силу своего неофициального характера такие записи не несут на себе печать цензуры.

Ниже мы представим итоги анализа выявленных нами случаев фиксации рассказов о тех или иных событиях в текстах записей на книгах. Рассматривая эти казусы, особое внимание мы уделим возможным мотивам, которыми руководствовались писцы, делая соответствующие ремарки. Стремясь составить более полное представление об особенностях их мировосприятия, мы также рассмотрим и иные версии тех же событий, которые представлены в других источниках.

² О возможных путях историографического анализа записей на книгах XI–XIV вв. см.: Столярова 1997: 3–79; Гимон 2012: 309–310.

³ Усачев 2018. Т. 2: 324а (ссылки на записи приводятся в скобках в основном тексте).

Присоединение Пскова

Васюк попов сын Гаврилов Кылдашев в 1510 г. переписал Кормчую (№ 49). Ее колофон содержит пассаж по содержанию близкий к летописной записи: «И того лета князь великы Псков взял за себя и казну Домантову взял». Сведения о присоединении Пскова к Русскому государству в январе 1510 г. содержат разные источники. Однако автор записи добавляет рассказ о том, что Василий III «казну Домантову взял».

Точной даты окончания работ над рукописью ее выходная запись не содержит. В ней лишь упоминается 7018 г. от Сотворения мира (1509/10 г.). Учитывая упоминание присоединения Пскова, окончание работ датируется временем не ранее января 1510 г. Как видим, сообщение об исключительно важном для политической истории событии в текст записи попало в ближайшие месяцы или даже недели после того, как оно состоялось. Где и благодаря чему рассказ был зафиксирован?

Уточнить возможное место работы Васюка позволяет запись другой его книги – Кормчей 1511/12 г. (№ 56). Она переписывалась «у великово чудотворца Николы на Лале», т.е. в Никольском Лальском посаде. В XVII в. административно он находился на территории Сольвычегодского уезда. Как видим, известие о событиях, имевших место на северо-западной окраине России, спустя очень короткое время не только дошло, но и было зафиксировано в одном из самых отдаленных уголков Северо-Востока, находящемся примерно в 1100 км от Пскова. Что могло связывать эти два региона? В XV–XVI вв. псковскими наместниками великого князя, как правило, являлись потомки ростовских и ярославских князей⁴. Речь шла о служилых князьях, располагавших владениями на Северо-Востоке, на территории бывшего Ростовского княжества, из которого позднее выделилось Ярославское. В тот период оба псковских наместника – кн. П.В. Великий Шестунов и кн. С.Ф. Курбский⁵ – являлись потомками ярославских князей. Конечно, принимая во внимание, по-видимому, не слишком высокий статус писца (точно он неизвестен), трудно предполагать, что Курбские, Шестуновы или иные потомки ростовских или ярославских князей могли быть непосредственными информаторами Васюка Кылдашева. Однако их связь с Северо-Востоком, скорее всего, способствовала распространению на этой территории новостей с мест их службы, например, слугами князей.

Скорее всего, с очевидцами присоединения Пскова было связано упоминание о конфискации великим князем «казны Домантовой». Эту деталь в прочих источниках нам обнаружить не удалось. Они лишь сообщают о вывозе в Москву символа политической независимости Псковской республики – вечевого колокола. Вероятно, наряду с ним «казна» самого известного псковского князя также служила одним из атрибутов самостоятельности Пскова, которой он лишился в 1510 г.

⁴ Кистерев 1997: 345–379; Городилин 2015: 68–86.

⁵ Пашкова 2000: 153.

Поход русских войск на Югру

С именем Васюка Кылдашева было связано происхождение еще одной книги. 31 декабря 1517 г. он закончил работу над списком Псалтири (№ 100) на территории погоста Лена, расположенного на р. Лена, являющейся притоком Вычегды. Среди прочего выходная запись сообщает: «Того же лета ходили воеводы великого князя в Югру князь Иосиф Тимофеевич Оболенски да князь Ондрей Федорович Пестриков вои...» (окончание записи не сохранилось). Описание этого похода отсутствует в иных известных источниках. Упоминаемые в записи воеводы великого князя могут быть идентифицированы со служивыми людьми княжеского происхождения конца XV – первой половины XVI в.

Среди весьма многочисленных представителей рода князей Оболенских обращает на себя внимание фигура кн. Иосифа Тимофеевича Оболенского-Тростенского. Его служебную карьеру источники фиксируют под 1519–1555 гг.⁶ Кн. Андрей Федорович, судя по всему, являлся сыном потомка стародубских князей Федора Пестрого. Его назначения относятся к периоду между 1495 и 1519 гг.⁷ О том, где находились оба воеводы в 1517 г., известные нам источники не сообщают.

Имеющиеся данные не противоречат возможности похода (вероятно, далеко не самого крупного) воевод великого князя в 1517 г. Сообщение о походе (возможно, ответном) русских войск вполне естественно для жителя территории, прилегающей к р. Вычегде, которая неоднократно подвергалась нападениям обитателей Югры.

Присоединение Смоленска и поход русских войск на Брянсьволь

Большой интерес для изучения тематических приоритетов жителя Псковской земли представляют отсутствующие в других источниках подробности присоединения Смоленска к Русскому государству, на которые он посчитал нужным обратить внимание читателя. Выходная запись Сборника слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (№ 80), законченного 1 ноября 1514 г., содержит следующее известие: «Того же лета взял князь великий Смоленск литовьской град да и наместники свои посажал – князя Василиа Шуискаго и князя Семиона». Если сведения о взятии Смоленска, а также о его первом наместнике отразились в ряде источников, то информация о втором упомянутом в записи лице уникальна. О ком именно могла идти речь?

Манускрипт переписывался в стенах псковского Спасо-Елизарова монастыря. Учитывая, что писец, дьяк этой обители Василий, счел необходимым упомянуть второго наместника Смоленска «князя Семиона», можно думать, что речь шла о служилом человеке княжеского происхождения, который к 1514 г. был хорошо известен жителю Псковской земли, как-то с ней был связан. Известно лишь одно такое лицо – кн. Семен Федорович Курбский⁸. Он фигурирует в источниках со времени

⁶ Власьев 1907: 321–322; Зимин 1988: 66.

⁷ Зимин 1988: 42, 62.

⁸ О нем см.: Зимин 1988: 91; Кобрин 1995: 29; Кистерев 1997: 347–348.

не позднее 1495 г. В близкий к написанию Сборника период он был наместником Пскова (1510/11–1514/15 гг.)⁹ и неоднократно участвовал в походах на Литву. Вероятно, к 1514 г. имевший немалый военный и административный опыт кн. С.Ф. Курбский и был назначен вторым наместником Смоленска. Упоминание его в тексте записи кодекса 1514 г. указывает на то, что псковичи интересовались судьбой своих наместников. Это могло быть связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, судя по Псковской I летописи, С.Ф. Курбский в этом городе оставил о себе добрую память. Этот источник сообщает, что присланные великим князем наместники Петр Шестунов и Семен Курбский «начаша... добры быти до пскович»¹⁰. Во-вторых, интерес к карьере этого лица мог иметь и вполне практический характер. Известно, что в то время наместников порой назначали в один и тот же город после некоторого перерыва. Например, также понравившегося псковичам кн. Петра Шестунова Василий III, вероятно, стремясь снискать симпатии жителей недавно присоединенного города, прислал во Псков в 1510 г. во второй раз¹¹.

Рассказом о присоединении Смоленска историографический потенциал выходной записи Сборника слов Григория Богослова 1514 г. (№ 80) не исчерпывается. Она содержит еще одно известие: «Тоя же зимы ходили под Бряслово Ондрей Васильевич да Михаила Григорьевич Мисурь». Речь идет об одном из многочисленных эпизодов очередной русско-литовской войны первой трети XVI в. Летопись сообщает о предпринятом по поручению Василия III походе «силы новгородской и псковской» на Бряслонь. Начавшийся 28 января 1515 г. поход возглавили псковский наместник А.В. Сабуров и псковский дьяк М.Г. Мунехин Мисурь¹². Судя по всему, в стенах находящейся неподалеку от Пскова обители чутко следили за политической обстановкой, которая в конечном счете могла отразиться и на судьбе монастыря.

Обращает на себя внимание дата похода русских войск на Бряслонь – он начался 28 января 1515 г., т.е. после 1 ноября 1514 г., к которому выходная запись относит завершение работ над книгой. Учитывая, что смена почерка или цвета чернил в выходной записи не фиксируется, ее следует датировать по наиболее позднему известию (не ранее 28 января 1515 г. Трудно сомневаться в том, что запись была выполнена несколько месяцев спустя после даты окончания работ над рукописью (после 1 ноября 1514 г.). Таким образом, между окончанием работы над Сборником 1514 г. и написанием текста послесловия к нему прошло не менее 3 месяцев. На возможность существования промежутка времени между окончанием работ над манускриптом и написанием колофона указывает и приводимая ниже выходная запись манускрипта 1517 г.

⁹ Пашкова 2000: 153.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 5. 2003: 97.

¹¹ Там же.

¹² Там же: 98.

Ремонт псковского Крома и поход Литвы под Опочку

Выходная запись переписанного в 1517 г. во Пскове кодекса, содержащего список Хронографической палеи (№ 103), содержит два известия: «Того же лета на Кромю прасло стени поставил отть Снетового костра до персеи фразин. Да той же осени Литва присла под Опочку сем[тября] 20». Аналогичные рассказы есть и в летописных источниках. Представленная в них версия гораздо пространнее. Псковская I летопись сообщает, что 40 сажен стены «паде... от святыа Троица до костра Снетового над Рыбным торгом, а паде в великий пост». Далее летопись указывает на то, что работы по ремонту стены возглавил «Фрязин Иван», а их стоимость составила достаточно крупную сумму – 700 руб.¹³ Сообщение о приходе литовского войска под Опочку также отразилось в памятниках летописания. Как и в случае с рассказом о ремонте Крома, в них оно читается в более пространном виде: в летописи приведены имена русских и литовских воевод, описан состав литовской рати, а также ход боевых действий¹⁴. Как видим, известия в целом совпадают, но версия, отразившаяся в тексте выходной записи, несколько короче.

Даты нападения на Опочку литовских войск и окончания работы над рукописью совпадают. Оба события в записи отнесены к 20 сентября 1517 г. Летописные источники приход войск Великого княжества Литовского под Опочку также датируют этим числом. Однако фиксация рассказа о данном событии во Пскове в этот день практически исключена: расстояние от Пскова до Опочки составляет более 120 км. Конечно, теоретически нельзя исключить того, что гонец, неоднократно меняя лошадей, глубокой ночью мог прискакать во Псков и сообщить о приходе врага, а писец, узнав об этом событии, также ночью сразу же выполнить выходную запись. Однако представляется более вероятным иной вариант развития событий, при котором переписчик действительно закончил работу над основным текстом рукописи 20 сентября 1517 г., а выходную запись выполнил несколько позднее, возможно, через несколько дней, недель или даже месяцев. Для понимания мотивов, побудивших переписчика, псковского священника Константина, зафиксировать описываемые события, обратим внимание на то, что церковь Сошествия св. Духа, в которой он служил, находилась в восточной части Домантовой стены псковского Крома¹⁵. Ремонт городских укреплений имел непосредственное отношение к судьбе автора колофона. Во-первых, церковь св. Духа располагалась поблизости от места проведения ремонтных работ¹⁶. Во-вторых, судя по всему, Константин принимал в них активное участие. Косвенно на это указывает Псковская I летопись, сообщая, что «камень возища священники»¹⁷. Скорее всего, одним

¹³ Там же.

¹⁴ Там же: 99.

¹⁵ О ней подробнее см.: Лабутина 2011: 281.

¹⁶ Там же: 52–53, рис. 6.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 5. 2003: 98.

из них был Константин. Если это так, то фиксация рассказа о ремонте стены носит автобиографический характер: писец отметил значимое для локального сообщества событие, которое при этом касалось и его лично.

Пожар в крупном городе

Основную часть текста выходной записи Псалтири 1517/18 г. (№ 102) представляет фрагмент летописного характера: «Лета 7019 месяца июня 4 день погорел монастырь Богоявленской и семьсот дворов и осьмнатцать церкви на память иже в святых отца нашего Митрофана». Работу над кодексом осуществил игумен, вероятно, упоминаемого в записи Богоявленского монастыря Иона. Как видим, работавший в 1517/18 г. писец посчитал необходимым сообщить о событиях, имевших место ранее, 4 июня 1511 г. Это могло быть связано с тем, что их последствия он ощущал и 6–7 лет спустя. Скорее всего, этого времени оказалось недостаточно для полного восстановления монастыря. Учитывая, что Псалтирь переписал непосредственно игумен, возглавлявший монастырь в это время, – явление нечастое в русской книжной культуре того периода, – видимо, восстановление пострадавшего от пожара репертуара книг монастырской библиотеки было еще далеко от завершения. Вероятно, в исключительно трудное для обители время настоятель, имевший опыт проведения книгописных работ, взялся за перо, не только переписав книгу, но и сообщив читателю о предшествующем этому событии. Для города и монастыря оно носило далеко не рядовой характер.

Определяя возможное место фиксации данного рассказа, отметим его уникальный характер. Прочие известные нам источники его не упоминают. В силу этого определить, о каком именно монастыре шла речь, нам не удалось. Очевидно лишь, что обитель, судя по числу сгоревших дворов и церквей, находилась в очень крупном городе или неподалеку от него. К числу городов, число дворов в которых в XVI в. могло превышать 700 дворов и в которых фиксируются богоявленские монастыри, принадлежали два – Кострома и Рязань¹⁸. В костромском и рязанском богоявленских монастырях в близкий период источники фиксируют игуменов с именем Иона (в первом под 1500 г., во втором – под 1514 г.)¹⁹. Ввиду отсутствия прочих данных, которые позволили бы локализовать обитель, отдать предпочтение какому-либо из этих городов в настоящий момент не представляется возможным.

Возведение церкви в Пятницком монастыре в Бродех

Запись имеющего псковское происхождение Октоиха (№ 256), переписка которого была закончена в мае 1536 г., повествует о строительстве церкви в одном из местных монастырей: «А святому Богоявлению церковь каменную делали в Бродех».

Вл.В. Седов, проанализировав содержание колофона, показал, что речь идет о псковском женском монастыре Параскевы Пятницы в Бро-

¹⁸ Поскольку настоятели ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря были не игуменами, а архимандритами, в записи речь не может идти об этой обители.

¹⁹ Строев 1877: стб. 429, 854.

дех. По его мнению, Богоявленская церковь находилась в новой части псковского посада. Судя по всему, речь идет о построенной в 1444 г. деревянной церкви, которую в 1536 г. (точной датой мы не располагаем) перестроили из камня. В связи со строительством нового здания церкви понадобилось обновить и ее библиотеку. С этим, вероятно, и была связана переписка Октоиха²⁰. Работу над ним осуществил монастырский дьяк Кузьма. В роли заказчицы выступила инокиня Феодора. Очевидно, что рассказ о строительстве церкви в монастыре представлял интерес как для насельницы этой обители, так и для служащего в ней писца.

Итоги анализа данной записи побуждают обратить внимание на, как правило, ускользающий от внимания ученых гендерный аспект как в историописании, так и в книжной культуре России XVI в. в целом. Несмотря на то, что заказчицей этой и некоторых других известных нам рукописей²¹ являлась женщина, в роли писца Октоиха, как и всех прочих известных датированных манускриптов, выступил мужчина. Хотя факт грамотности в рассматриваемый период более или менее значительного числа женщин сомнений не вызывает, зафиксируем, что среди 477 известных нам писцов этого столетия женщины не фиксируются²².

Смена игуменов в Соловецком монастыре

Колофон соловецкой Псалтири 1545 г. (№ 323) (окончание работы над ней относится к сентябрю) приводит интересные факты из истории поморской обители: «Игумен Филипп Колычев игуменство оставил, а Алексеи Юренев на игуменьство. Братии же тогда бе числом 136».

Запись содержит два известия – о смене игуменов и о численности соловецких иноков. Они находят аналогии в других источниках.

Филипп (Колычев) возглавил соловецкую обитель после Алексея (Юренева). Спустя какое-то время Алексей вернулся к руководству монастырем. Аналогичное известие представлено в составленном существенно позднее тексте Жития Филиппа, которое, без привязки к датам, сообщает, что Филипп, некоторое время побыв игуменом, ушел в уединение, а обитель по просьбе иноков вновь возглавил Алексей²³. Подтверждает информацию о чередовании игуменов в обители и запись соловецкого Службеника первой половины XVI в. Она сообщает, что «Алексей с Филиппом игуменство держали переменяясь»²⁴.

Немалый интерес вызывает редкое для эпохи Средневековья упоминание числа иноков. Согласно данной записи, в 1545 г. в соловецкой обители их было 136. Составленный в 1553 г. другой источник – «Устав о монастырском платье» – приводит иную цифру – 107 иноков²⁵. Вероятно, за 8 лет число соловецких иноков существенно сократилось. Это

²⁰ Седов 2016: 169–172.

²¹ Усачев. Т. 2. 2018.

²² Об этом, например, см.: Halperin 2019: 162.

²³ Лобакова 2006: 174, 211.

²⁴ Цит. по: Описи Соловецкого монастыря 2003: 10, прим. 24.

²⁵ Лобакова 2001: 324.

могло быть связано с почтенным возрастом значительной их части. Общеизвестно, что в период Средневековья постриг, как правило, принимали уже в достаточно зрелом возрасте.

Рассматривая мотивы, которыми руководствовался писец (его имя и статус неизвестны), фиксируя приведенную выше информацию, обратим внимание на фигуру первого владельца, а, возможно, и заказчика книги. Выходная запись сообщает, что она принадлежала «священнику Ионе Соловецкому». Из текста Описи имущества Соловецкого монастыря 1597 г. узнаем, что речь шла об Ионе (Шамине) – наставнике Филиппа (Колычева)²⁶. Очевидно, что он проявлял интерес не только к событиям в его обители, но и к судьбе своего воспитанника, которому спустя два десятилетия будет суждено возглавить Русскую церковь.

Землетрясение в Поморье

Большой интерес для изучения тематических приоритетов жителя Поморья представляет запись Нечая Поряднина (его статус точно неизвестен; возможно, он являлся слугой Соловецкого монастыря). Она помещена после текста выходной записи в Сборнике сочинений, посвященных Зосиме и Савватию Соловецким (№ 371). Работа над манускриптом была закончена 23 декабря 1550 г. Колофон повествует о землетрясении: «В лето 7 тысяч 50 осмаго, августа в 4, на первом часу дни, бысть трясение земли на море окиане в трех погостах: в Керете, да в Ковде, да в Кандалакше – и до Умбы-реки, версть на триста подле море, а в гору – неведомо бысть, далече ли. Были на реках жемчужники от моря за 60 верст и оне скажут: в тот день и в то время и у них земля тряслася же, и леса и горы высокыя, с чась времени»²⁷.

Как отметил О.В. Панченко, сходный рассказ читается в Соловецком летописце конца XVI в. Исследователь предположил, что запись Сборника 1550 г. послужила источником составителя Летописца²⁸. Для изучения особенностей фиксации рассказов о событиях представителями локального сообщества обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, в Летописце текст читается в записи не за 1550 г., а за 1542 г. Во-вторых, в нем он представлен в сокращенном виде. Летописец повествует: «В лето 7050-го. Августа в 4 день, в первом часу дни, бысть трясение в земли великое в трех погостех в Керети и в Ковде, и в Кандалакши и до Умбы, верст на триста и больши, и горы и лисы тряслися»²⁹.

Как видим, речь идет не только о более краткой версии (фрагмент записи Сборника 1550 г. со слов «...были на реках» и до конца рассказа в Летописце отсутствует).

Версии источников несколько различаются. Помимо отдельных орфографических разночтений есть и более заметные отличия:

²⁶ Описи Соловецкого монастыря 2003: 158, 222.

²⁷ Цит. по: Панченко 2014: 274.

²⁸ Там же.

²⁹ Корецкий 1981: 235.

Запись Сборника 1550 г.	Соловецкий летописец
...трясение земли на море океане...	...трясение в земли великое...
...версть на триста подле море...	...верст на триста и больши...
...а в гору – неведомо бысть, далече ли...	...и горы и лисы тряслися...

Сказанное побуждает думать, что **непосредственное** влияние записи на Летописец неочевидно, хотя полностью и не исключено. Помимо приведенных выше текстологических аргументов приведем и соображения логического порядка. Трудно представить, что в поисках необходимой информации составитель Летописца пересматривал записи нескольких сотен книг в библиотеке Соловецкого монастыря³⁰. Скорее всего, он воспользовался подборкой известий, которая была составлена ранее.

Скорее всего, рассказ был зафиксирован писцом Сборника 1550 г. и составителем подборки известий летописного характера независимо друг от друга. Нетрудно заметить типологическое сходство между описанием землетрясения в Поморье и повествованием о ремонте псковского Крома в 1517 г., отразившимся как в записи писца, так и в Псковской I летописи. В первом случае колофон дает более пространную версию нежели летопись, во втором случае – наоборот. Таким образом, в рамках одного локального сообщества могли сосуществовать две версии событий, происхождение которых могло быть связано с разными лицами.

Венчание на царство и брак Ивана IV

Завершая выходную запись, переписчик Сборника сочинений Петра Дамаскина 1547 г. (№ 335) отмечает следующее: «Буди же сие ведомо, яко в Руской земли сеи первый царь поставлен бысть после крещения Господа нашего Иисуса Христа и браку причтася».

Точное место переписки книги, имя и статус ее писца неизвестны. Судя по упоминанию архиепископа Феодосия, речь шла о территории весьма значительной Новгородской епархии. В данный период она охватывала весь Северо-Запад, а также Поморье. Запись интересна тем, что, заканчивая работу над книгой 14 августа 1547 г. явно на значительном удалении от столицы и Центра страны, писец счел необходимым обратить внимание на изменение статуса – как политического, так и семейного – русского государя. Царский титул Иван IV принял 16 января, а заключил брак с Анастасией Романовной 3 февраля 1547 г.

Для более полного представления о региональных особенностях восприятия изменений в политической сфере обратим внимание на исключительно любопытный факт: далеко не все писцы вскоре после венчания русского государя на царство стали именовать его царским титулом. Известно, что переписчики по меньшей мере 14-ти датированных рукописных книг, следуя длительной традиции, по крайней мере, до 1597 г. русского самодержца именовали великокняжеским титулом (без царского)³¹. Запись Сборника 1547 г. показывает наличие и противополо-

³⁰ В конце XVI в., времени составления Летописца, согласно Описи имущества Соловецкого монастыря 1597 г. (с. 256), его библиотека насчитывала не менее 478 книг.

³¹ Подробнее см.: Усачев 2016: 45–56; 2018. Т. 2.

ложной тенденции. Почти сразу после 16 января 1547 г., по крайней мере, некоторые писцы, работавшие на значительном удалении от Центра, не только упоминали государя с царским титулом, но и считали нужным сообщить читателям о его венчании на царство.

Возраст Ивана IV

Типологически близка к предыдущей запись переписчика Апостола 1557/58 г. (№ 443). Среди прочего он отметил: «А в те поры государь был православный царь лет трицати без двою». В роли писца выступил инок вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Иов. Он работал по поручению игумена Николо-Коряжемского монастыря Вассиана, учеником которого он был до перехода в прилуцкую обитель. Трудно объяснить интерес инока не самого близкого к столице монастыря к возрасту государя. Можно лишь констатировать, что иноки обители, расположенной на Северо-Востоке страны (примерно в 400 км от столицы), точно знали возраст государя, родившегося 25 августа 1530 г.

Пожар в Николо-Коряжемском монастыре и природные аномалии в его округе

Наши представления о критериях отбора заслуживающих фиксации событий недавнего прошлого расширяют итоги анализа записи Торжественника 1547/48 г. (№ 344). Его писец немалое внимание уделил событиям, происходившим в округе Николо-Коряжемского монастыря, в котором осуществлялась работа над кодексом: «А тогда же пришло Божие посещение во обители у Николы, чудотворца, на Корежме. Храм згорел от молнии канун Николина дни Вешнего Никола, чудотворец». «А тогда же была осень долга. Вычегда река не стала до Рожества Христова за две недели». Имя и статус писца неизвестны. Из текста записи мы лишь узнаем, что он был достаточно молод – ему было 19 лет. Он мог являться слугой или послушником монастыря. Очевидно, что переписчик описал события, очевидцем которых он, по-видимому, был. Нетрудно заметить, что он счел необходимым зафиксировать те события, которые, с одной стороны, являлись уникальными (или во всяком случае достаточно редкими), с другой, оказывали влияние на жизнь того локального сообщества, к которому он принадлежал.

Основание казанского Спасо-Преображенского монастыря

Об истории создания монастыря, а, по сути, состоящего из иноков и иных близких к обители лиц микромира, к которому принадлежал писец, повествует запись Церковного устава (№ 428). Начатая в Николо-Песношском монастыре в 1553/54 г. работа над ним была закончена в 1555/56 г. в недавно основанном казанском Спасо-Преображенском монастыре. Писец Никифор (возможно, слуга этой обители) сообщил уникальные сведения о ее начале: «А в Казани бысть тогда царя государя великого князя боярин и воевода, и наместник князь Петр Иванович Шуйскои. И при том почет бысть монастырь строити кельи и ограда, и всякое строение монастырское архимандритом Варсунофием яже о Хри-

сте з братиею. А братии с ним пришло с Песноши: келарь Тихон, крылошанин, Федорит, казначей, крылошанин, Иев Долматов, крылошанин, а постриженники песношские, да Симан Неронов, андрониковской постриженник, крылошанин, да Андроник, подкеларник, да Селивестр служебник Яхонтова, а постриженники песношские же».

Как видим, писец привел сведения не только об основании монастыря, но и об именах и происхождении его первых насельников, т.е. о лицах, с которыми он, судя по всему, непосредственно взаимодействовал. Преобладание среди них иноков Николо-Песношского монастыря было связано с происхождением ее заказчика. До перехода в Казань постриженник московского Спасо-Андроникова монастыря Варсонофий являлся игуменом Николо-Песношского монастыря (1544–1555), в стенах которого было положено начало работе над Церковным уставом.

Природные аномалии на территории Вологодской епархии

Типологически близкий текст к записи переписчика из Николо-Коряжемского монастыря содержит послесловие к списку Измарагда 1557/58 г. (№ 447): «И того лета была зима теплая и стало тепло за две недели до Рождества Христова, а стояло тепла того два месяца».

Точное место работы над книгой, а также имя и статус писца неизвестны. В роли ее первого владельца выступил священник Ильинской церкви (ее местонахождение не установлено) Иван Никифоров сын попов. Вероятно, он и являлся ее заказчиком. Судя по упоминанию в тексте колофона имени вологодского владыки Киприана, речь шла о территории соответствующей епархии. Очевидно, что писец зафиксировал природные аномалии, которые оказывали влияние на его жизнь и жизнь его сообщества в целом.

Голод и пожар в Твери

На исключительно важные и даже трагические для своего микромира события обратил внимание читателя переписчик списка 1560/61 г. Евангелия-апракос (№ 476): «Того лета злая была меженина послы сухменаго лета. Стояла меженина двенатцать лет, а сего лета всих злие была. Многие люди вышли в Новь[го]род. Того лета выгорела Тверь на Николь день на Вешнеи».

В роли писца выступил священник Пятницкой церкви Иаков. Скорее всего, она находилась в Твери или ее ближайшей округе. Известные нам источники о неурожае, голоде и пожаре в Твери в данный период не сообщают. Однако есть косвенные данные, побуждающие с доверием отнестись к рассказу тверского священника. Летописная запись, вероятно, выполненная жителем Москвы, под 1560/61 г. сообщает: «Того же году за умножение грех наших был глад велик в Можайске да на Волоке **и в иных во многих городех** [выделено нами. – А.У.]; много множество раздысье людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в Позновые города, в Нижний Новгород»³².

³² ПСРЛ. Т. 13. 2000: 332.

Исходя из текста записи Евангелия, можно полагать, что голод охватил и Тверь, из которой народ уходил не в относительно далекие от нее Рязань, Мещеру и Нижний Новгород, а в находящийся существенно ближе Великий Новгород. Колофон манускрипта 1560/61 г. также сообщает о том, что эпоха неурожая в округе Твери началась существенно ранее – примерно с 1548/49 г. – достигнув своего пика к моменту переписки книги (т.е. к 1560/61 г.).

Запись священника Иакова побуждает расширить основанное на приведенной выше летописной записи представление о географии и хронологии неурожая и голода, охватившего Центр страны во второй половине XVI века. В частности, послесловие переписчика заставляет с вниманием отнестись к высказанному в историографии мнению о том, что первые проявления хозяйственного кризиса, пик которого пришелся на 1570-е гг., стоит относить уже к 1550-м гг.³³

Рассматривая мотивы писца, побудившие его поведать читателю о соответствующих фактах, отметим огромное дестабилизирующее влияние 12-летнего голода на локальные сообщества.

***

Характеризуя выявленные нами случаи записи рассказов о событиях недавнего прошлого авторами колофонов, зафиксируем следующее.

1. Происхождение рассмотренных записей было связано с различными регионами страны: Северо-Востоком, Северо-Западом, Центром, Средним Поволжьем и Поморьем. Речь шла о монастырях (Спасо-Прилуцком, Соловецком, Николо-Коряжемском, Спасо-Елизаровом), городах (Псков и, вероятно, Тверь), а также более мелких населенных пунктах (Никольский Лальский посад, погост Лена). Как видим, стремление поведать читателю о значимых для писцов событиях отличало жителей разных, подчас весьма удаленных от столицы, районов.

2. Фиксация рассмотренных фактов была связана с лицами различного социального статуса. Среди них мы находим иноков (монах Спасо-Прилуцкого монастыря Иов, игумен неустановленного Богоявленского монастыря Иона), представителей белого духовенства (псковский священник Константин, вероятно, тверской священник Иаков, дьяк Спасо-Елизарова монастыря Василий, дьяк псковского Пятницкого монастыря Кузьма), а также светских лиц, статус которых точно не определен (вычегжанин Васюк Кылдашев, возможно, монастырские слуги Никифор и Нечай Поряднин, а также неизвестный по имени писец из Николо-Коряжемского монастыря). Речь идет о 10-ти писцах из 477 (т.е. ок. 2% от общего числа), имена и статус которых сообщают известные нам датированные записи XVI в.³⁴ Нетрудно заметить, что желание поведать о недавних событиях на страницах манускриптов характеризовало представителей, как правило, не слишком высоких по своему статусу групп

³³ Об этом см.: Зимин 1962: 11–20; Каштанов 1963: 96–117.

³⁴ Подробнее о персональном и социальном составе писцов русских датированных книг XVI в. см.: Усачев 2018. Т. 1.: 200–325.

населения, причем так же очевидно, что это стремление отличало весьма ограниченный круг писцов.

3. В большинстве случаев информация, представленная в записях, уникальна. Это обусловлено тем, что сравнительно немногочисленные и еще требующие своего выявления и изучения памятники местного летописания XVI в. «покрывают» далеко не все регионы и периоды. Однако в тех случаях, когда мы располагаем иными источниками, повествующими о тех же событиях, сведения записей в целом им соответствуют (ремонт псковского Крома, голод в Твери, поход литовских войск на Опочку и др.). Таким образом, говорить о «литературном» происхождении рассмотренных рассказов не приходится. Речь шла о фиксации реальных фактов, которые представлялись значимыми для писцов и, вероятно, для локальных сообществ, к которым они принадлежали.

4. Вопрос о связи рассматриваемых записей с памятниками местного летописания сложен. Конечно, в ряде случаев составители летописцев могли привлекать записи манускриптов из доступных им книгохранилищ. Однако, как показывают итоги проведенного сравнения текстов записи священника Константина и Псковской I летописи о ремонте Крома и походе литовских войск под Опочку, по крайней мере, в ряде случаев речь шла о независимой записи рассказов авторами колофонов и летописцами. Вероятно, одни и те же факты фиксировались параллельно. Этим и было обусловлено сосуществование различных версий одних и тех же событий. Отмечаемая нами сомнительность связи текстов большинства записей с летописцами могла обуславливаться статусом писцов и местами их работы. Их положение, как правило, было не слишком высоким, а близость к центрам летописания (даже местного) – далеко не очевидной.

5. Судя по всему, в подавляющем большинстве случаев послесловия выполнялись вскоре после описываемых событий (вероятно, в течение ближайших недель или месяцев). В тех случаях, когда событие отстоит на несколько лет от даты его фиксации, очевидно, что писец наблюдает его последствия, а также ощущает их влияние в период работы над книгой. Так, к моменту переписки Псалтири 1517/18 г. последствия пожара 1511 г. в Богоявленском монастыре, по всей видимости, в полной мере еще не были устранены. Работавший в 1560/61 г. в Твери или ее округе писец повествует о неурожае и голоде, который начался на двенадцать лет ранее окончания переписки Евангелия. Как нетрудно заметить, писцов почти исключительно занимали события новейшей истории, которые были по тем или иным причинам значимыми для их микромира. Далеким от узкого круга интеллектуалов Московского царства переписчиком было чуждо стремление взглянуть на историю своего региона и тем более страны в целом.

6. Основная часть рассмотренных выше рассказов посвящена событиям местной истории. Записи повествуют о ремонте городской сте-

ны, смене игумена в обители, погодных аномалиях, пожарах, неурожае, голоде, военных действиях, протекавших в непосредственной близости от мест переписки книг. Некоторые записи, правда, повествуют и о событиях общерусского характера. Инок Спасо-Прилуцкого монастыря счел необходимым отметить возраст русского государя. Другой писец, работавший на территории Новгородской епархии, обратил внимание на главный факт церковной и политической истории середины XVI в. – венчание Ивана IV на царство. Внимательно следивший за судьбой бывшего псковского наместника С.Ф. Курбского писец псковской обители повествует о его участии в присоединении Смоленска. Любопытным примером сочетания интереса к событиям местного и общерусского характера являются записи вычегжанина Васюка Кылдашева. Он отмечал как факты, непосредственно связанные с территорией, на которой он проживал (поход русских войск на Югру), так и те, которые имели место на далеком от нее Северо-Западе страны (присоединение Пскова к Русскому государству). Однако, если говорить в целом, то можно констатировать, что интерес писцов к прошлому носил «утилитарный» характер – как правило, они фиксировали лишь ту информацию, которая так или иначе влияла на жизнь их микромира.

7. В некоторых случаях текст колофона выполнялся спустя какое-то время после окончания работ над основным текстом манускрипта. Как показывает запись о походе русских воевод на Брянск, этот период мог составлять три месяца. Это в свою очередь побуждает задаться вопросом о мотивах, которыми руководствовался переписчик, сообщая о переписке книги спустя несколько дней, недель или даже месяцев после окончания работы. Имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно для ответа на этот вопрос. Можно лишь полагать, что под влиянием каких-то событий спустя несколько недель или месяцев после окончания работы над тем или иным манускриптом писцы вновь брались за перо, сообщая читателю не только о его переписке, но и о событиях, которые они считали значимыми для своего сообщества.

Как видим, относительно немногочисленная часть известных нам писцов считала необходимым фиксировать не только факты переписки той или иной книги, но и краткие рассказы о явлениях, вызвавших их интерес. Чаще всего речь шла о событиях, непосредственно связанных с тем населенным пунктом, в котором книжник жил и работал. Несмотря на то, что по своему объему и хронологической глубине анализируемые нами записи несопоставимы с памятниками летописания, сам факт их наличия показывает, что фиксация рассказов о прошлом не ограничивалась более или менее крупными книгописными центрами, при которых велось летописание. Интерес к событиям недавнего прошлого проявляли как насельники монастырей, так и жители городов и прочих населенных пунктов, расположенных в различных регионах страны.

Источники

- Описи Соловецкого монастыря XVI века: комментированное издание / сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.В. Мильчик. СПб., 2003. 356 с.
 ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2003. 146 с.
 ПСРЛ. Т. 13. М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Власьев Г.А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т. 1, ч. 3. СПб.: Тв-о Р. Голике и А. Вильборг, 1907. VIII, 667 с., 8 л. табл. [Vlas'ev G.A. Potomstvo Riurika: materialy dlia sostavleniia rodoslovii. T. 1, ch. 3. SPb., 1907. VIII, 667 s., 8 l. tabl.]
- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 696 с. [Gimon T.V. Istoriopisanie rannesrednevekovoi Anglii i Drevnei Rusi. Sravnitel'noe issledovanie. M., 2012. 696 s.]
- Городилин С.В. К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. 68–86. [Gorodilin S.V. K voprosu o brachnykh svyaziakh pskovskoi elity v pervoi treti XV v. // Arkheologia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli. M.; Pskov; SPb.: Nestor-Istoriia, 2015. Vyp. 30. 68–86].
- Зимин А.А. «Хозяйственный кризис» 60–70 годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М.: Наука, 1962. 11–20 [Zimin A.A. «Khoziaistvennyi krizis» 60–70 godov XVI v. i russkoe krest'ianstvo // Materialy po istorii sel'skogo khoziaistva i krest'ianstva SSSR. Sb. 5. M.: Nauka, 1962. 11–20].
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 348 с. [Zimin A.A. Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. M.: Nauka, 1988. 348 s.]
- Каштанов С.М. К изучению oprichniny Ivana Groznogo // История СССР. 1963. № 2. 96–117 [Kashtanov S.M. K izucheniiu oprichniny Ivana Groznogo // Istoriia SSSR. 1963. № 2. 96–117].
- Кистерев С.Н. Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. Вып. 1, ч. 2. М.: Сигнал, 1997. 345–379. [Kisterev S.N. Kniaz'ia Iaroslavskie i Pskov v pervoi polovine XVI v. // U istochnika. Sb. st. v chest' chl.-korr. RAN S.M. Kashtanova. Vyp. 1, ch. 2. M.: Signal, 1997. 345–379].
- Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М.: РГГУ, 1995. 238 с. [Kobrin V.B. Materialy genealogii kniazhesko-boiarskoi aristokratii XV–XVI vv. M.: RGGU, 1995. 238 s.]
- Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. 223–243. [Koretskii V.I. Solovetskii letopisets kontsa XVI v. // Letopisi i khroniki. 1980 g. M.: Nauka, 1981. 223–243].
- Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука, 2011. 342 с. [Labutina I.K. Istoricheskaia topografiia Pskova v XIV–XV vekah. M.: Nauka, 2011. 342 s.]
- Лобакова И.А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. – один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычова) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 320–341. [Lobakova I.A. «Ustav o monastyrskom plat'e» 1553 g. – odin iz neuchtennykh istochnikov po istorii Solovetskogo monastyria vremeni igumenstva Filippa (Kolychova) // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr'. SPb, 2001. 320–341].
- Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 306 с. [Lobakova I.A. Zhitie mitropolita Filippa: issledovanie i teksty. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2006. 306 s.]
- Панченко О.В. Памятники летописания Соловецкого монастыря. Ст. 1. Соловецкие летописцы XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 63. 262–277 [Panchenko O.V. Pamiatniki letopisaniia Solovetskogo monastyria. Stat'ia 1. Solovetskie letopisty XVI v. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury RAN. SPb., 2014. T. 63. 262–277].
- Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. 214 с. [Pashkova T.I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI veka: namestniki i volosteli. M.: Drevlekhranilishche, 2000. 214 s.]

- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.]
- Седов В.В. Летописная запись 1536 г. в псковском Октоихе: сообщение о строительстве каменной церкви Богоявления в Бродях // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 31. 169–172 [Sedov V.V. Letopisnaia zapis' 1536 g. v pskovskom Oktoikhe: soobshchenie o stroitel'stve kamennoi tserkvi Bogoiavlennia v Brodach // Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli. M., 2016. 31. 169–172].
- Столярова Л.В. Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 г. М.: Наука, 1997. 3–79. [Stoliarova L.V. Zapisi istoricheskogo sodержaniia XI–XIV vekov na drevnerusskikh pergamenykh kodeksakh // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: Materialy i issledovaniia. 1995 g. M.: Nauka, 1997. 3–79].
- Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. X с., 1064, 68 стб. [Stroev P.M. Spiski ierarkhov i nastoiatelei monastyrei rossiiskoi tserkvi. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1877. X s., 1064, 68 stb.]
- Усачев А.С. Упоминания титула русского митрополита и государя в неофициальных источниках XVI в. (на материале выходных записей на книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. №3(65). С. 45–56. [Usachev A.S. Upominaniia titula russkogo mitropolita i gosudaria v neofitsial'nykh istochnikakh XVI v. (na materiale vykhodnykh zapisei na knigakh) // Drevniia Rus'. Voprosy medievistiki. 2016. №3(65). 45–56].
- Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 472 с. [Usachev A.S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei. T. 1. M.; SPb.: Al'ians-Arkheo, 2018. 472 s.]
- Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 528 с. [Usachev A.S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei. T. 2. M.; SPb.: Al'ians-Arkheo, 2018. 528 s.]
- Halperin Ch.J. «Do Not Curse Me for My Copying Errors»: Sixteenth-Century Russian Manuscript Books // Russian History. 2019. Vol. 46, Issue 2–3. 152–166.

Усачев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Российской государственный гуманитарный университет; asuas1@mail.ru

The past events in the eyes of the Russian scribes of the 16th century

The article deals with the peculiarities of the historical consciousness of the Russian scribes from different regions of the country. As a rule, they were laymen and clerics of the low social status. The author analyses the colophons published in 2018 and focuses on those which contain historical information. It finds out that the events of the recent past which could influence the life of a local community (as a rule, the scribes belonged to these) were usually recorded by the scribes. Among the described events were natural disasters, fires, famine, combat actions in close proximity to the work places of the scribes.

Keywords: *historical consciousness, historiography, the book culture, chronicles, colophons, local history, 16th century.*

Andrei Usachev, Dr. Sc. (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations, Russian State University for the Humanities; asuas1@mail.ru